
Е. Л. Конявская

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СМОЛЕНСКИХ КНЯЗЕЙ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII — НАЧАЛО XIII в.).

Статья посвящена анализу информации ранних летописей о внешней политике смоленских князей во второй половине XII — начале XIII в. Приведены данные о взаимоотношениях с другими княжествами и землями, Византией, половцами. Проанализирован летописный материал, касающийся персон, выполнявших посольские функции.

Ключевые слова: Смоленск второй половины XII — начала XIII в., Ростислав Мстиславич, Ростиславичи, внешняя политика, матримониальные связи.

Смоленская земля к середине XII в. становится одним из наиболее значимых и влиятельных княжеств. Смоленские князья периодически занимали киевский стол, вели борьбу за киевское княжение, имели владения в «Русской земле» (Конявская 2018). Хотя в связи с этим разделить «киевскую» и «смоленскую» составляющие в их политике зачастую затруднительно, можно попытаться вычленить их действия, когда они позиционируются как «Смоленск — другие земли».

В поле влияния смоленских князей всегда был их северный сосед — *Новгород*. Ростислав Мстиславич сажал на новгородский стол сыновей, и в целом стремился к контролю над Новгородом. В 1152/1153 г. согласно Ипатьевской летописи Изяслав Мстиславич дважды обращается к нему со словами: «тамо брате оу тебе по Бѣѣ . Новѣгородѣ силнѣи . и Смолнескъ . а скупивьса постережи же землѣ своѣа . юже Гюрги поиде на та» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 455); «ты по Бѣѣ тамо оу Смоленскѣ . и в Новѣгородѣ оу Велицимѣ . еси . а ты тамо оудержи Гюрга с тѣми . а ко мнѣ пусти с помощью снѣ своего Романа» (Там же. Стб. 459). В 1158 г. Ростислав посылает в помощь Рогволоду Рогволодовичу (Борисовичу) наряду со смоленскими полками и новгородские. В следующем году, когда Ростислава Мстиславича зовут на киевский стол, его представители выдвигают условия от имени смолян и новгород-

цев. Последние, как и смоляне, были в составе делегации, направленной Ростиславом в Киев на переговоры. В 1179 г. новгородцы приглашают княжить Мстислава Ростиславича, где он через год умер, был оплакан горожанами и похоронен. Характерно, что в момент колебаний Мстислава, который не хотел оставить «Русскую землю», братья и «мужи свои» напоминают ему, что Новгород — это сфера интересов Ростиславичей: «а тамо . ци не наша вчина?». В целом новгородский стол в разное время и, конечно, в течение различных сроков занимал каждый из братьев Ростиславичей.

Высказывание Изяслава в 1147 г., обращенное к Ростиславу, включает фразу, которая неоднократно интерпретировалась в научной литературе как знаковая: «брате . тобѣ Бѣ даль верхнюю землю . а ты тамо поиди противоу Гюргеви . а тамо оу тебе Смолнани и Новгородци . и кто ротъниковѣ твоихѣ . ты же тамо оудержи Гюрга . а га са сде вставлю а мнѣ како Бѣ да (X — дасть) съ Волгови^ама и съ Дѣвчема» (Там же. Стб. 359). Однако нельзя не согласиться с Ф. Мушаром (Мушар 2011. С. 140–143) в том, что нет серьезных оснований видеть в этих словах отражение некоей грамоты (Алексеев 1980. С. 202), разделяющей между братьями контролируемые ими русские земли на «верхнюю/връховную» и «нижнюю/низ». Речь идет о конкретной ситуации, которая, как можно видеть, сходна с той, что описана в приведенных выше речах Изяслава (1152/1153 г.). Если же сравнивать эти тексты, становится понятно, что говорится о Новгороде и Смоленске, безо всяких далеко идущих политических обобщений. Обращает на себя внимание колебания переписчиков в словах «дал» и «дасть» (скорее всего, там были выносные буквы, что затрудняло их работу). В первом случае — по отношению к Ростиславу в Ипатьевском списке читается только «лъ», а «да» приписаны на поле. Во втором — по отношению к Изяславу, наоборот, отсутствует конец слова, читается «да», а на поле приписано «сть». Если же принять поправку на полях Ипатьевского списка и вариант Хлебниковского, то «разделение» между князьями земель оказывается еще более сомнительным, поскольку здесь можно предполагать как аорист, так и настоящее — простое будущее время. Тогда две части фразы не дают смысловой симметрии, а относительно Изяслава использован фразеологизм «как Бог даст». Далее будет показано, что взаимоотношениям с южными («нижними») соседями смоленские князья придавали не меньше значения.

На выстраивание связей с могущественным южным соседом — *Черниговским княжеством* — были направлены матриониальная политика Ростислава Мстиславича Смоленского и его сыновей и целый ряд политических акций смоленских князей. Старший сын Ростислава Мстиславича Роман был женат на дочери Святослава Ольговича. О его женитьбе в 1149 г. имеется точно датируемое известие черниговского происхождения: «В то же верема Ростиславъ Смоленский. проси дчери оу Сѣослава . оу Улгови^а за Романа сѣна своего . Смоленскоу . и ведена бы^с из Новагорода в не^лю по водохрѣщахъ . мѣца геньвара въ Ѡ днѣ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 368). Этот брак был заключен вскоре после установления мира Изяславом и Ростиславом Мстиславичами с черниговскими князьями (общеизвестный эпизод, когда черниговские князья просят мира, послав послов к Изяславу Мстиславичу, а тот спрашивает Ростислава: «годно ли ти мирь?»). Ростислав высказывается в пользу заключения мира). Впрочем, ни мир, ни этот брак не принесли в ближайшем будущем улучшения отношений между противоборствующими сторонами. Лишь в 1159 г. между Святославом Ольговичем и Ростиславом установился прочный союз. Об их «съезде» «на великую любовь» переговорах, пирах и взаимных дарах читается подробный рассказ в Ипатьевской летописи (Там же. Стб. 504). Этот союз, как кажется, принес впоследствии больше пользы Ольговичу, который смог до конца своих дней удерживать за собой черниговский стол. Также в 1161 г. Ипатьевская летопись отмечает крестоцелование Святослава Ольговича и Всеволодовичей к Ростиславу Мстиславичу (правда, в обоих вышеприведенных случаях Ростислав Мстиславич — киевский князь, но эти акции — логическое продолжение установления Смоленском союзнических отношений с черниговскими династами). В 1164 г. Олег Святославич Новгород-Северский женился на дочери Ростислава Мстиславича Агафье: «Том же лѣтѣ ведена бы^с Ростиславна Сѣгафья . за Сѣлга за . Сѣославича мѣца июня въ кѣ днѣ» (Там же. Стб. 525). Характерно, что, когда незадолго до своей смерти Ростислав из Киева едет в Новгород, чтобы наладить взаимоотношения своего сына Святослава с новгородцами, путь его лежит через черниговский Чичерск, где его ждут, встречают и приглашают на обед дочь и зять. Ясно, что эта встреча была заранее спланирована, и в соответствии с предварительной договоренностью был выстроен маршрут поездки князя.

Традиция подобных браков продолжилась и далее. Сын Романа Мстислав Романович женится на Марии Святославне, новгород-северской княжне. Дочь Рюрика Ростиславича выходит замуж за Святослава Игоревича Черниговского.

Союза и покровительства Ростислава искали и другие черниговские князья. В 1156 г. к нему за поддержкой обращался юный князь Святослав Владимирович, племянник Изяслава Давыдовича Черниговского. Он бежал от дяди и «аса по Ростислава по Смоленьскаго кнѣза» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 484). Ростислав принял его под свою защиту. В разные годы поддерживал он также и Святослава Всеволодовича Черниговского (Вячеслав Владимирович, обращаясь к последнему, называет его «сыном любимым Ростислава», имея в виду не родство в прямом смысле, а союзно-подчиненные отношения). Видимо, при участии Ростислава весной 1157 г. у смоленского города Мстиславля происходит примирение враждующих сторон Черниговской земли.

Ходили слухи и об иных планах Ростислава Мстиславича по отношению к Черниговскому княжению. Летописец приводит слова бояр Святослава Ольговича о тайных переговорах Романа Ростиславича с Изяславом Давыдовичем в 1160 г.: «се ни лжа ти есть . ѡже Романъ Ростиславичъ . посылаетъ и Смоленьска попа своего къ Изаславу река тако . ѡдаваетъ ти бата Черниговъ а съ мною въ любви поживи» (Там же. Стб. 514).

В 1155/1156 г. Ростислав Мстиславич как смоленский князь устанавливает союзнические отношения с чуть более дальним юго-восточным соседом — *Рязанью* (причем этого союза ищут рязанские князья): «цѣлова хрестъ съ братьею своею съ рязаньскими князи на всеи любви; они же вси зряху на Ростислава, имѣяхути и отцемъ собѣ» (Там же. Стб. 482). Здесь снова «отец» — не родство в прямом смысле слова, а в смысле старейшинства. В дальнейшем между княжескими домами устанавливаются родственные связи. На дочери Глеба Рязанского был женат Мстислав Ростиславич. Дочь Давыда Ростиславича выходит замуж за Глеба Владимировича, дочь Рюрика Всеслава становится супругой Ярослава Глебовича.

Еще одним приоритетным направлением внешнеполитических устремлений Смоленска был западный сосед — *Полоцк*. В 1158¹ г.

¹ 6667 г. в этом известии, как показано Н.Г. Бережковым, является в Ипатьевской летописи ультрамартовским (Бережков 1963. С. 170).

Ростислав Мстиславич поддерживает в междоусобной борьбе претендентов на полоцкий стол Рогволода, отправив ему в помощь двух своих сыновей Романа и Рюрика: «пусти ему два сѣа в помочь Романа и Ририка (X — Рюрик) и Внѣзда и Смолнаны и Новгородци . и Плесковичи» (Там же. Стб. 496). Далее же говорится, что Ростислав и сам было пошел в этот поход, но в дороге «вороти и Аркадь епѣпъ Новгородскийи . ида ис Киева» (Там же. Стб. 496). Эта информация представляется правдоподобной, поскольку из Новгородской первой летописи известно, что ранее (в первой половине 1158 г.) Ростислав ездил в Новгород, посадив там сына Святослава, а второго — Давыда — в Новый Торг. Ездил он туда с женой, затем возвратился в Смоленск и там уже стал собирать подмогу Рогволоду. Со своей стороны, Рогволод поможет Святославу Ростиславичу, который в момент конфликта с новгородцами бежал из-под ареста в Полоцк. «Рогъводъ (X — Рогъволод) же ис Полотъска допровади до Смоленьска» (Там же. Стб. 511).

В дальнейшем полоцкую карту разыгрывает Давид Ростиславич, упоминающийся как витебский князь. Под 1164 г. в Ипатьевской летописи говорится: «Двѣдъ Ростиславичъ . сѣде Витебски» (Там же. Стб. 525). Под 1166 г. читается рассказ о столкновении из-за полоцкого княжения Володаря Глебовича Минского и Всеслава Васильковича, княжившего в то время в Полоцке, при этом сообщается, что Всеслав, чьим союзником был Давыд, бежал в Витебск, а Володарь «поиде к Витебску на Двѣда и на Всеслава» (Там же. Стб. 526–527). Характерно, что после победы Давыд «Всеслава посла Полотъск» (Там же. Стб. 527).

В 1175 г. Ярополк Ростиславич (сын Ростислава Юрьевича) женился на дочери витебского князя, при этом «пославъ. къ Смоленьску . поа за са . кнагиню . Всеславилю дщерь . кназа Витебскаго . вѣнчаса с нею въ Водимѣрѣ оу стѣи Бѣѣ» (Там же. Стб. 598). Д. Домбровский выдвинул предположение, что невеста была дочерью Всеслава и некоей Ростиславны (т. е. внучкой Ростислава Мстиславича) (Домбровский 2015. С. 456). В таком случае, вполне возможно, что она жила в эти годы в более спокойном Смоленске. Резонное предположение Д. Домбровского снимает сложность интерпретации упоминавшегося под 1196 г. зятя Давыда Ростиславича (Ярослав посылает племянника «къ Витебскоу на зата на Двѣда» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 691); затем «винит» Давыда, «аже помогаетъ зати своему» (Там же. Стб. 693).

Зятем могли называть как мужа дочери, так и мужа сестры (Словарь 1990. С. 436). Сам же Всеслав Василькович был женат на дочери Ростислава Мстиславича, сестре Ростиславичей (Домбровский 2015. С. 455).

В 1181 г. Давыд Ростиславич пытался оборонять от Святослава Всеволодовича с многочисленными союзниками (в том числе полоцкими князьями) Друцк, но в конце концов вырвался из осады и ушел в Смоленск. Известно, что и позднее, в 1196 г., Рюрик и Давыд распоряжаются Витебском (обещают Витебск Ярославу Всеволодовичу Черниговскому), и полки Давыда охраняют город.

Когда же Мстиславу Ростиславичу вздумалось в начале 1180 г. пойти с новгородцами на Полоцк за обиды более чем столетней давности, нанесенные Новгороду полоцким князем Всеславом Брючиславичем, старший из Ростиславичей Роман послал военную помощь своему зятю, княжившему в Полоцке, а к Мстиславу отправил послов с твердым заявлением: «вбиды ти до него нѣтоуть. но же идеши на нь. то первое поити ть на ма» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 609). Мстислава такая позиция брата вразумила, и он отказался от своего замысла.

Под 1186 г. летописи сообщают о походе на Полоцк Василька Володарьевича (из Друцка) с Давыдом Ростиславичем со смолянами и его сыном Мстиславом, которые действовали, видимо, в интересах Василька. Полочане не решились противостоять таким значительным силам, вышли «на рубеж» с дарами и умирились (ПСРЛ. Т. 25. С. 93–94; НПЛ. С. 38).

Есть еще одна территория, к контролю над которой, возможно, стремились смоленские князья — *Берладь*. Именно Берладь указывает Андрей Боголюбский как место, куда должен уйти Давыд Ростиславич из «Русской земли» во время ссоры с Ростиславичами. Нельзя исключать, что упоминание Берлады здесь появляется неслучайно, ведь Рюрику предписывается идти к брату в Смоленск, в чем видна понятная логика: отправляйтесь в *свою* землю. Так и Берладь здесь может оказаться не произвольно выбранной отдаленной землей (Нижнее Подунавье) — учитывая связи с Иваном Ростиславичем Берладником отца Ростиславичей (к нему на службу переходил князь Иван в 1146 г.). Известно, что впоследствии сына Ивана — Ростислава — «приял» к себе Давыд Ростиславич (Конявская 2018. С. 5).

С северо-востока Смоленск граничил с *Владимиристо-Суздальской землей*. Помимо разнообразных политических комбинаций,

возникавших в борьбе за Киев, стоит отметить договор Ростислава Мстиславича с Андреем Боголюбским о Новгороде, когда после заявления последнего о желании добиваться Новгорода «добром и лихом» (1160 г.) Новгородская I летопись сообщает: «В лѣто 6669. Уладися Ростислав съ Андрѣемъ о Новѣгородѣ, и вывѣдоста Мьстислава, Гюргевь вьнукъ» (НПЛ. С. 31). На новгородский стол был возвращен Святослав Ростиславич. Уже в 80–90-х гг. сложные союзно-дипломатические отношения поддерживал со Всеволодом Большое Гнездо Рюрик Ростиславич. Сын его Ростислав был женат на дочери Всеволода Верхуслане. Во многом благодаря поддержке Всеволода после смерти Святослава Всеволодовича Рюрик становится полноправным киевским князем.

Отношения со Всеволодом занимали важное место во внешнеполитической деятельности Давыда Ростиславича. Причем его «дипломатия» была гораздо более прямолинейной. Решительно и прагматично, без апелляции к высоким материям (а такие апелляции были свойственны княжеским речам в подобных ситуациях) звучит его позиция в 1196 г. на обсуждении возможности заключения сепаратного мира со стороны Всеволода Большое Гнездо, Давыда и рязанских князей с Ярославом Черниговским. Давыд категорически против заключения мира без участия его брата Рюрика, он напоминает Всеволоду, что была договоренность о том, что у Чернигова должны были собраться все для заключения мира: «Ты же нынѣ ни моужа своего еѣи. послалъ ко братоу своему Рюрикови . и ни своего прихода повѣдаеши емоу ни моего . а оумолви с нимъ . моужемъ своемъ а переже весны доспѣвъ сѣдѣти и воеватиса (с нимъ) со Сѹлгови . а вѣсти ѿ тебе ждати правоѣ. вны же нынѣ воюеться. с ними и волость свою зажегль тебе дѣла а нынѣ безъ его доумы хочемъ миритиса . а брате повѣдаю ти сего ти мира zde не оулюбить . братъ мои Рюрикъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 699).

О непосредственных международных контактах Смоленска и *Византии* данных нет, но позиция Ростислава Мстиславича в ситуации вокруг Климента Смолятича, непосредственно касавшейся взаимоотношений с Константинополем, говорит о независимости его взглядов на легитимность избрания Климента. Все годы, пока Климент занимал митрополичью кафедру, Ростислав во всех политических и военных акциях был един со своим братом Изяславом, но в отношении русского митрополита неизменно поддерживал

своего епископа Мануила, одного из главных оппонентов Клим. Его позиция меняется лишь в 1164 г., когда Ростислав, уже будучи киевским князем, хочет поставить на русскую митрополию того же Клим, но не самоуправно, а отправив посла к «цареву».

Что же касается взаимоотношений смоленских князей с *половцами*, то важно отметить, что в ходе мирных переговоров со степняками в 1162 г. Ростислав женит своего сына Рюрика на дочери хана Белука. При этом, как показано А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенским, в этом же время в честь брата Рюрика, смоленского князя Романа, называет другой половецкий хан Кза (Коза) Романом своего сына (Литвина, Успенский 2013. С. 152–154). Видимо, на дочери хана Толгуя был женат сын Давыда Ростиславича², на дочери Котяна (в крещении — Марии) — Мстислав Мстиславич (Удатный). В целом же в отношении половцев политика смоленских князей не отличалась оригинальностью: они воевали с половцами, а при целесообразности — заключали военные союзы.

К сожалению, данных о том, кто выполнял у Ростиславичей дипломатические миссии, немного. Как правило, в летописных текстах говорится, что тот или иной князь «посла» к представителю другой земли. Реже говорится: «посла муж», «посла свои муж/мужи». Исключение — рассказ о переговорах Ростислава с киевлянами и Мстиславом Изяславичем о приходе смоленского князя на киевский стол в 1159 г. С ответом он посылает своих бояр — Ивана Ручечника и Якуна. Боярам доверено передать согласие Ростислава занять киевский стол с важным условием: «не хочу Клим оу митропольи видити» (Там же. Стб. 503). Видимо, названный первым из них — Иван (Иванко) Ручечник возглавлял эту делегацию, поскольку именно про него сказано, что он «възматжкы (тажкы — *XII*) рѣчи», а придя в Смоленск, «росправивъ всѣ рѣчи кѣзю» (Там же. Стб. 503). Его прозвище заслуживает особого внимания. Ручечником, Ручником на Руси могли называть грамотеев (в том числе ставивших подпись за неграмотных). Возможно, прозвище Ручечник (Ручник) как-то касалось канцелярских и, как можно видеть, посольских обязанностей боярина. То, что боярин берет «тажкы рѣчи», а при докладе князю

² Ранее считалось, что этот брак был заключен между ханской дочерью и Мстиславом Давыдовичем, однако Д. Домбровский приводит основания для того, чтобы видеть в этом сыне Изяслава Давыдовича (Домбровский 2015. С. 505–508). Весьма вероятной считают эту версию и А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский (Литвина, Успенский 2013. С. 230–243).

«расправляет» их, подтверждает высказывавшееся мнение о том, что «речи» князей при переговорах с послами записывались (Рыбаков 1963. С. 317–318; Франчук 1986. С. 109–112).

Таким образом, летописи показывают, что существовал круг смоленских бояр Ростислава, которые допускались к вопросам не только внутренней жизни княжества, но и были посвящены в важные политические решения. В составе делегации наряду со своими боярами Ростислав посылает « $\bar{\omega}$ Смолннъ мужа . и $\bar{\omega}$ Новгоречь (XII — новгородец)». Муж от новгородец — это, очевидно, представитель «города», который придерживался позиции покойного новгородского архиепископа Нифонта — главного оппонента Клима Смолятича. Естественно предположить, что и смоленский муж — представитель института городского управления, который также принимал участие в столь важных переговорах.

Косвенно об участии бояр в переговорах, а, возможно, и в принятии важных внешнеполитических решений и шагов, свидетельствует рассмотренное выше известие, передающее слухи о тайных переговорах Романа с Изяславом Давыдовичам в 1160 г. При этом важно отметить, что в качестве посла упоминается и лицо духовного звания — поп.

Очевидно, что Ростислав Мстиславич и его потомки смоленские князья наряду со стремлением к получению киевского стола проводили последовательную политику по установлению контроля над полоцкими и новгородскими территориями, укреплению прочных и выгодных для них союзов с могущественными и влиятельными соседями — Черниговским, Ростово-Суздальским/Владимиро-Суздальским княжествами, Рязанской землей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерк истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980.

Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей. Первые поколения (до начала XIV в.). СПб., 2015.

Конявская Е. Л. Смоленские Ростиславичи и их владения по раннему летописанию // Российская история. 2018. № 5. С. 3–8.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Русские имена Половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропонимики / Отв. ред. Ю. В. Кагарлицкий. М., 2013.

- Мушар Ф.* Между братом и сыном: об образе Ростислава Мстиславича в Киевской летописи // *Ruthenica*. Київ, 2011. Т. X. С. 137–146.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908.
- ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949.
- Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
- Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 1990. Т. III.
- Франчук В. Ю.* Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986.

Elena L. Konyavskaya

FOREIGN POLICY OF SMOLENSK PRINCES
(SECOND HALF OF THE 12TH — BEGINNING OF THE 13TH CENTURY)

The article is devoted to the analysis of the early chronicle material concerning the foreign policy of the Smolensk princes. Smolensk land has become one of the most important and influential principalities by the middle of the 12th century. The Smolensk princes fought for the Kievan throne and had possessions in the Kiev principality. But it is possible to consider their general policy and specific actions from the perspective of the interests of Smolensk.

Their northern neighbor — Novgorod was in the sphere of influence of the Smolensk princes. Rostislav Mstislavich while ruling in Smolensk (1125–1159) set his sons on the Novgorod throne and aspired to control Novgorod. The connections with the powerful southern neighbor, the principality of Chernigov, was important for Smolensk. The matrimonial policy of Rostislav Mstislavich of Smolensk and his sons, a number of political actions of the Smolensk princes aimed to establish such connections. In specific political situations Rostislav patronized Chernigov princes gaining allies. Allied relations were established also with the further southeast neighbor Ryazan'. Ryazan' princes looked for this union. Continuation of the alliance developed into family ties. Another important area of Smolensk foreign policy was Polotsk. Smolensk princes sought control over Polotsk and reigned in Vitebsk. Perhaps, another territory that Smolensk princes might have sought to control was Berlad'. The relations with the Suzdal land were no less significant for them. The agreement of Rostislav Mstislavich with Andrey Bogolyubsky concerning Novgorod is noted in the article. Also the complex union-diplomatic relations between Vsevolod Yurievich, Rurik Rostislavich and Davyd Rostislavich are taken into account. The question of the Byzantine policy of Rostislav Mstislavich (church aspect) is dealt with as well as the relationship of Smolensk princes with Polovtsy.

The information on the persons who played the role of ambassadors is considered. We can conclude that it was the boyars who were allowed to participate

in foreign policy matters. In one episode a priest appears as an ambassador.

It is obvious, that Rostislav Mstislavich and his descendants, Smolensk princes, along with the desire to get the Kiev throne, pursued a consistent policy of establishing control over Polotsk and Novgorod and strengthening beneficial alliances with powerful and influential neighbors — Chernigov, Suzdal, and Ryazan' lands.

Keywords: Smolensk in the second half of the 12th — beginning of the 13th century, Smolensk princes, foreign policy, matrimonial relations

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-256-266